

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСПАДОВ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Н.С. Розов

Новосибирский государственный университет

Аннотация: Распады государств завершаются либо глубокой территориальной дезинтеграцией, либо полным переучреждением государства на месте прежнего с возможным отпадением окраин, сменой столицы, но с сохранением территории хартленда. Механизм распада здесь трактуется как действие крайне острого антагонистического конфликта, являющегося результатом репрессивных, насильственных стратегий политических акторов, которые нередко изначально были направлены на восстановление стабильности и легитимности власти и режима в государстве, удержания его целостности. Для объяснения динамики распада используются несколько концептуальных схем фазовых переходов и взаимодействия переменных, причем схемы представлены в графическом виде. В качестве эмпирического материала взяты два известных случая распада: Российская империя в 1917–1918 гг. и Югославия в 1989–1991 гг., поскольку они различаются практически по всем признакам и позволяют использовать исследовательскую стратегию по методу единственного сходства. В каждой концептуальной схеме выделяется главное «белое пятно» — условие выбора того или иного направления динамики. Попытки обобщения (удачные и неудачные) причин, ведущих к распаду в обоих случаях, позволяют прояснить некоторые глубинные причины государственных коллапсов.

Ключевые слова: распад государств, конфликт, кризис, политический режим.

Смута как закономерная динамика конфликта: исследовательский подход

Глубокие кризисы, крупные мятежи, революции и гражданские войны, разрушающие государство, привычно считать ужасным хаосом, не поддающимся рациональному объяснению. Успешно развивающиеся макросоциологические исследования и теории революций опровергают этот взгляд. Верным остается представление об огромной роли случайностей в кризисные и поворотные периоды, когда стечения обстоятельств и малые воздействия могут приводить к движению по самым разным, даже диаметрально противоположным направлениям. Однако учет случайностей не отменяет закономерностей конфликтной динамики, процессов мобилизации ресурсов, деградации одних институтов и практик при появлении и распространении других.

Все происходящее в кризисные периоды имеет представительство в нескольких временных и социальных масштабах: от ультра-микро — ситуаций «здесь и сейчас», до нескольких месяцев и лет, до городов, провинций, всего общества и международного окружения.

Закономерные процессы в охватывающем масштабе имеют структуру «русла» (однозначные следствия из предыдущих событий), «воронки» (любые события приводят к одному результату) или «развилки» — бифуркации (выбор одного «русла» из нескольких возможных). Именно в последнем случае наибольшую роль играют «случайности», которые, однако, при переходе к вложенному масштабу вовсе не обязаны быть абсолютно стохастическими. Здесь есть свои закономерности, свои «русла», «воронки» и «развилки».

Далее рассмотрим несколько концептуальных схем, представленных для наглядности в графической форме. Эти схемы, применяемые для исследования динамики, делятся на два типа: *фазовые модели*, где прямоугольные блоки означают состояния (фазы, такты, этапы), а двойные стрелки между ними — переходы между состояниями, и *тренд-структуры*, где вершины (круги) означают переменные, сплошные стрелки — усиливающие связи, и пунктирные стрелки — ослабляющие.

В фазовых моделях наиболее интересны развилки, как раз представленные здесь наглядно, поэтому внимание будет сосредоточено на условиях выбора той или иной альтернативы. В тренд-структурах наглядных развилок нет, здесь можно говорить только об усилении, ослаблении или блокировании имеющихся связей, о появлении новых связей и новых переменных. Главную роль играют складывающиеся контуры положительных обратных связей, обычно ведущие к «воронкам» (общему упадку — «Колодцу» или общему подъему — «Лифту») и контуры равновесия, ведущие к «руслам», когда переменные выходят на плато и восстанавливается стабильность.

Поскольку схемы претендуют на универсальность, они должны быть адекватными для самых разных случаев распада. В качестве эмпирического материала взяты случаи распада Российской империи (1917–1918 гг.) и Югославии (1989–1992 гг.) как различные практически по всем признакам, но сходные в главном — итоговом распаде прежней государственности. Таким образом, исследовательская стратегия следует классическому методу единственного сходства Бэкона-Милля и методологическому принципу Э. Дюркгейма, когда на основе единого общего следствия выявляется единая причина [Розов 2009]. Поскольку в государственных распадах причины сложные, множественные, взаимозависимые, соединяющие закономерности и случайности, метод различия играет роль ориентира в работе с каждой схемой.

Фазовая модель кризиса с разными результатами

Социальная стабильность склонна к воспроизводству. Даже если в ней или вокруг нее накапливаются напряжения (межконфессиональные, классовые, этнические, геополитические), существенные изменения происходят либо при достижении критического уровня дискомфорта влиятельных групп (негативного вызова) или при появлении новых заманчивых для них возможностей (позитивного вызова).

Сложная сеть процессов в зависимости от своей направленности — действия базовых потребностей акторов и общих закономерностей динамики при сопутствующих условиях — приводит либо к мегатенденции «Лифт» и расцвету, либо к мегатенденции «Колодец» и распаду, либо к средним вариантам, в том числе, к стагнации и циклической динамике¹.

¹ Мегатенденции — это совокупности тенденций (трендов), соединенных контурами положительной обратной связи. Мегатенденция «Лифт» включает тренды роста и развития. Мегатенденция «Колодец» — тренды падения и разрушения [Розов 2011, гл. 2]. При средних вариантах либо положительные связи компенсируются отрицательными (стагнация, стабильность), либо контуры положительной связи работают то в одну, то в другую

Общая схема последовательности фаз представлена на рис. 1.

Рис. 1. Исходная фазовая схема для объяснения противоположных векторов исторической динамики в зависимости от разного действия общих закономерностей и от разных начальных и сопутствующих условий.

Политики и их базовые потребности как основа ответов на вызовы

Политики — это искатели легитимной власти, а также ресурсов для ее достижения и укрепления. Иными словами, главным стремлением политических акторов (органов власти, партий, массовых движений) является не только 1) достижение власти, но также 2) сохранение и преумножение престижа, статуса, оснований для обретения, удержания, увеличения власти. Согласно новой, поствеберовской, типологии легитимность делится на типы по источнику (силовая, авторитетная, международная, популярная) и по содержанию (формальная легальность, общеправовая легитимность) [Розов 2014].

В борьбе за власть и легитимность всегда требуются ресурсы: организационные, символические, финансовые, силовые, правовые. 3) Стремление к увеличению этих ресурсов — еще одна универсальная потребность политических акторов.

сторону (циклы подъемов и упадков, прежде всего, в экономике, в силе и активности институтов принуждения).

В целях обретения власти, легитимности и ресурсов политики вступают в отношения с группами населения, организациями, индивидами, чтобы получить от них разного рода поддержку.

Политики не только осуществляют стратегии и практики по достижению целей 1–3, но также отвечают на вызовы, играют важную роль в ответах элит, социальных слоев, всего общества.

Негативные вызовы представляют собой ущерб или угрозу ущерба для самих политиков или для их групп поддержки, что вызывает напряженность, чреватую для сохранения политиками власти, легитимности, ресурсов. Ущерб может быть нанесен и по жизнеобеспечению (голод), и по социальному комфорту (насилие, разорение, унижение), и по духовному комфорту (принижение, разрушение религиозных, моральных, национальных святынь и ценностей).

Позитивные выборы — это новые открывающиеся возможности. Среди них будем учитывать только те, что сулят выигрыш для политических акторов уже в ситуации кризиса и конфликта.

Государственный распад: непохожие случаи и общий паттерн

При всех отличиях ситуаций в Российской империи 1916–1917 гг. и в Югославии конца 1980-х гг. обнаруживается общий паттерн: *в результате существенных сдвигов в геополитическом положении страны, последующих экономических трудностей, обостряются прежние социально-политические конфликты, растущие напряжения выливаются в стычки, уличные протесты с насилием, что ведет к появлению новых политических акторов, для которых открываются новые возможности получения власти и легитимности; политически активные социальные группы получают надежду на овладение наиболее значимыми для них экономическими ресурсами; серия конфликтных взаимодействий и неудачных попыток мирных компромиссов, выборных процедур завершается эскалацией насилия, переходом к гражданской войне, поскольку акторы делают ставку на подавление противников, а не на компромиссы и соглашения с ними.*

Рассмотрим, как представлены основные пункты этого обобщения в обоих случаях.

Сдвиг в геополитическом положении страны и ухудшение экономического положения. Российская империя стала терпеть поражения в Первой мировой войне, что делегитимировало царскую власть, привело к голоду и хлебным бунтам в столице весной 1917 г. Югославия, в связи с перестройкой в СССР, либерализацией и последующими бархатными революциями в странах Варшавского блока, утратила прежний выгодный статус буферной нейтральной страны [Коллинз 2015: 17], также исчез прежний страх перед СССР, который сплачивал народы Югославии. Децентрализация привела к усилению республиканской этнократии. Повсеместно росло недовольство перераспределительной системой, причем каждая республика считала себя обиженной, стали возникать внутренние барьеры. Росли инфляция, безработица, внешние долги.

Уличные протесты с насилием, появление новых политических акторов, для которых открываются новые возможности получения власти и легитимности. В Петрограде, затем в Москве и других городах происходят массовые волнения, захваты административных зданий, складов, тюрем, переход войск на сторону восставших [Катков 1997]. Члены Государственной Думы учреждают Временное Правительство. Растет сила и влияние Советов, в которых наряду с партиями (эсерами, меньшевиками, большевиками) большую роль играет «комитетский класс» (солдатские лидеры, младшие офицеры, отличившиеся в боях, активисты революционных собраний), поскольку для него революция открывает статусные перспективы

[Колоницкий 2010]. В Югославии происходят массовые драки между футбольными фанатами, множественные стычки на этнической почве, главную роль начинают играть наиболее радикально настроенные лидеры национального самоопределения в республиках, тогда как в центре остаются сторонники унитаризма, поддержания государственной целостности любыми средствами, вплоть до силовых акций.

Политически активные социальные группы получают надежду на овладение наиболее значимыми для них экономическими ресурсами. В России революционные солдаты с крестьянским самосознанием надеются на получение земли. В Югославии с конца 1980-х гг. планируется, начинается разгосударствление предприятий; этнократия, предприниматели, рабочие, широкие слои населения рассчитывают на будущие выгоды при монополии местной (моноэтнической) власти на территории.

Серия конфликтных взаимодействий и попыток мирных компромиссов, выборных процедур завершается эскалацией насилия, переходом к гражданской войне, поскольку акторы делают ставку на подавление противников, а не на соглашения с ними. В России перемирие договоров, кризисов и столкновений между Временным Правительством и Советами, большевиками, корниловцами приводит к захвату власти большевиками. Всероссийские выборы и созыв Учредительного собрания не разрешает, а возобновляет конфликт, силовой разгон Собрания приводит к тому, что далее все акторы уже делают ставку только на военную силу. В Югославии первые выборы в условиях многопартийности (1990 г.) привели к резкому усилению на местах национальных партий и ослаблению центральных, унитаристских сил. Последующая серия сепаратистских решений в республиках (начиная со Словении и Хорватии) и централизаторских решений в центре приводят к ожесточению и череде военных столкновений.

Как видим, при всех очевидных различиях рассмотренных случаев обнаруживаются сходные структурные моменты. Так что при все очевидных различиях двух случаев обнаруживается общая платформа для сравнения. Однако внутренняя динамика процессов эскалации политического кризиса и конфликта остается пока неясной. Здесь нужны иные модели.

Базовая функциональная схема

Привычный исторический подход к анализу кризисов, революций, государственных распадов состоит в анализе взаимодействия между политическими силами, акторами. На этом пути обобщения практически не возможны, а популярные аналогии слишком часто «хромают» и ведут по ложному пути.

Переход от акторов к факторам (от расклада сил — к статистическим данным, от agency — к structure и т. д.) не тривиален и представляет собой один из труднопреодолимых разрывов в социальном познании.

Принципиальную связь между этими онтологическими подходами представим таким образом. Взаимодействующие акторы (индивиды, группы, организации, государства) всегда представляют собой части некоторых охватывающих целостностей, систем. Эти системы, их части и аспекты имеют различные меняющиеся качества, а изменения этих качеств могут быть измерены или оценены с помощью разного рода показателей, методик, шкал. При отвлечении от внутренних структур системы, в том числе от акторов, нередко обнаруживается, что сами переменные — качества системы — влияют друг на друга, в том числе, усиливают или ослабляют, тогда они обретают статус факторов.

Социальная стабильность предполагает равновесное состояние системы и эксплицируется на основе функциональной модели А. Стинчкомба (рис. 2) [Stinchcombe 1987: 136; Разработка и апробация... 2001: 148–164].

Некая структура или повторяющаяся деятельность в структуре **S** — **Structure** (например, социальный институт, практика, технология, ритуал или традиция) выбирается и используется сообществом, что поддерживает на приемлемом уровне гомеостатическую переменную **H** — **Homeostatic** (предмет постоянной заботы). Таковыми являются, например, обеспеченность населения продовольствием, другими жизненными благами, легитимность режима и власти, общественный порядок, уровень внешней безопасности, достаточность ресурсов и т. д.

Действие структуры **S** тем интенсивнее, чем ниже значения гомеостатической переменной **H** (негативная связь). Сама же структура **S** своим действием восстанавливает, усиливает **H** (положительная связь), тем самым, нейтрализуя угнетающее действие напряжения **T** — **Tension**.

Действие структуры **S** «не бесплатно» и сопровождается издержками **C** — **Costs**, которые растут по мере роста интенсивности **S** (положительная связь), причем, рост издержек **C** естественным образом угнетает интенсивность структуры **S** (негативная связь), кроме того, может прямо усиливать напряжение **T**.

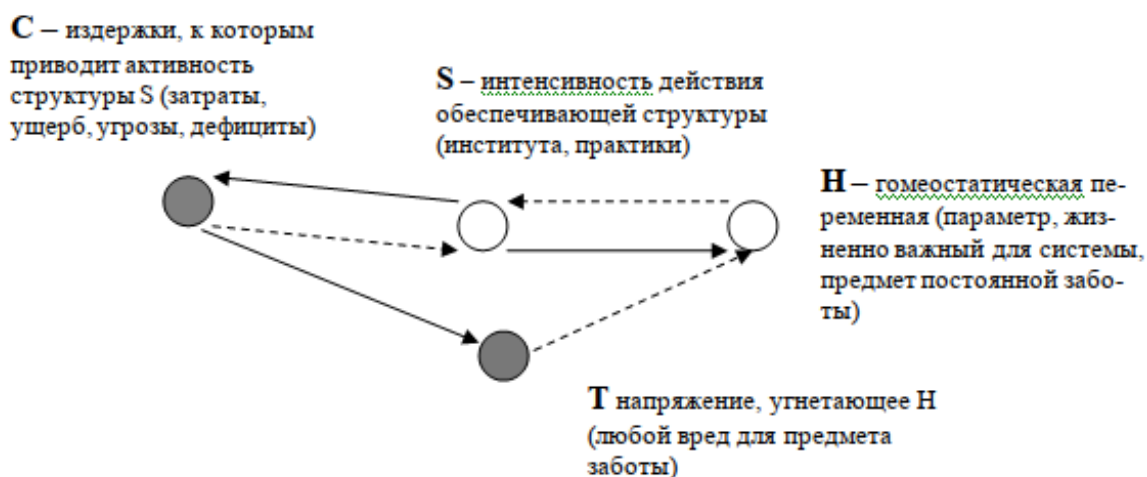

Рис. 2. Каноническая модель функциональной причинности по А.Стинчкомбу. Здесь и далее сплошные стрелки означают положительную (усиливающую) связь, пунктирные — отрицательную (ослабляющую). Заштрихованные блоки — «портящие» факторы, то есть угнетающие гомеостатическую переменную.

Значительная часть социальных взаимодействий, как известно, определяется установившимися социальными институтами: государство с ветвями власти, международные союзы, армия, церковь, правоохранительные органы, школы и университеты, заводы и фабрики, транспорт и связь, магазины и торговые сети, семьи и соседства и т. д. Принято считать, что каждый такой институт имеет свои социальные функции. По сути дела, речь идет как раз о том, что институт (или его части) является обеспечивающей структурой, тогда как «функции» описываются через поддержание гомеостатических переменных. Пока «все идет хорошо», т. е. функционирование институтов воспроизводится и сохраняется социальная стабильность, концептуализация по А.Стинчкомбу может казаться простым переименованием. Однако периоды кризисов и распадов институты трансформируются, разрушаются или сменяются. Здесь и оказываются полезными эвристики, предоставляемые моделью: действие каждого института сопровождается издержками, также действуют напряжения, подрывающие предметы заботы. Издержки и напряжения могут возрасти в разной мере, что и ведет к изменению

поведению людей, из взаимодействий, а значит и отношений, социальных структур и институтов.

Общая гипотеза относительно динамики распада состоит в следующем. Важнейшей гомеостатической переменной **Н** в государственной системе является легитимность власти и режима. Негативные вызовы (ущерб, угрозы ущерба для позиций влиятельных групп) играют роль напряжения **Т**. Прежняя обеспечивающая структура **S₁** (действия в рамках институтов, переговоры, компромиссы, коллегиальные решения, проведение выборов) оказывается не достаточной. Она дополняется структурой **S₂** (попытки и стратегии подавления обвиняемой стороны), издержки которой дискредитируют мирные, компромиссные стратегии **S₁**, что еще больше снижает легитимность власти и режима. При этом образуются петли положительной обратной связи, которые объясняют обострение конфликта и эскалацию насилия.

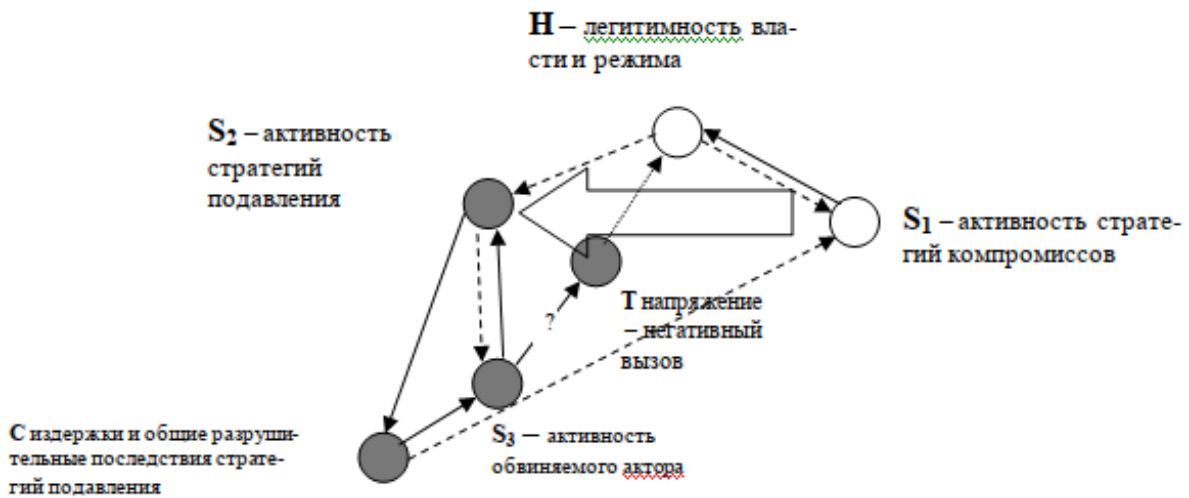

Рис. 3. Переключение ответа на подавление активности обвиняемого актора приводит к эскалации конфликта (контур обратной положительной связи $S_2 \rightarrow C \rightarrow S_3 \rightarrow S_2$) и еще большему ослаблению прежних стратегий переговоров и компромиссов **S₁**.

На рис. 3 представлены следствия перехода к стратегиям подавления **S₂** в отношении признанных виновными за угрозу или ущерб (ухудшение **Н** из-за напряжения **Т**). Сама активность обвиняемых акторов действительно может усилить напряжение и негативный вызов, но обвинение может оказаться наветом (стрелка $S_2 \rightarrow T$ прервана знаком вопроса)².

Заметим, что стратегии подавления не преодолевают вызов (нет прямой усиливающей связи от **S₂** к **Н**). Лавинообразный рост отчуждения и эскалация конфликта происходят благо-

² Справедливости ради надо сказать, что роковой раскол власти и антагонистический конфликт (переход к стратегии подавления политического противника) начали именно думские либералы во главе с Милюковым еще в ноябре 2016 г., что воплотилось в его думской речи со знаменитым рефреном «Глупость или измена?» Р.Пайпс вполне убедителен в утверждении клеветнического характера этих обвинений в сторону правительства и его тогдашнего главы Штюмера: «Упомянутая Милюковым «субъективная уверенность» в том, что высшие сановники идут на соглашение с врагом, не имела под собой ни малейших оснований. Грубо говоря, это был чистейший вымысел. Милюков, конечно, прекрасно понимал, что ни Штюмер, ни кто-либо другой из министров не совершали измены, и каковы бы ни были недостатки премьер-министра, он оставался лояльным российским гражданином. Позднее, в своих мемуарах, Милюков признал это. И тем не менее он чувствовал за собой моральное право клеветать на невиновного человека и бросать самые тяжкие обвинения в адрес правительства, ибо считал, что в настоящий момент всего важнее кадетской партии получить власть в стране, пока страна еще не погибла» [Пайпс 2005]. После уступки царя и отставки Штюмера, замены его более лояльным к Думе Треповым, примирения не получилось и думцы стали уже требовать отставки министра МВД Протопопова.

даря тому, что применяемые противниками стратегии подавления ведут к издержкам C , ущербу сторон, ответным ударам, то есть формируется контур положительной обратной связи. Кроме того, издержки C ведут к еще большему ослаблению прежней обеспечивающей структуры S_1 — переговоров и компромиссов.

Разрастающийся антагонистический конфликт также пагубно влияет на общее функционирование системы, ведет к разрушению социальных структур и институтов, поддерживающих главные гомеостатические переменные (предметы заботы и главные факторы стабильности) общества или иной социальной целостности.

На рис. 4 в схему введены дополнительные переменные: I — **Institutions**, уровень сохранности и эффективности социальных институтов, отношений как основы обеспечивающих структур, M — **Megatrend**, условная агрегатная переменная с полюсами «Лифт» (контур положительной обратной связи между трендами роста) и «Колодец» (те же контуры, но между трендами упадка). Срединные значения M означают либо стабильность (положительные связи уравновешены отрицательными), либо цикличность — колебательные движения (рост упирается в «потолок», сменяется упадком, упирающемся в «дно», что ведет к новому росту и т. д.).

Упадок системы может выражаться в росте иных напряжений, в падении иных гомеостатических структур, в ослаблении, усилении, переключении связей. Все эти моменты свернуты на схеме таким образом, что вместо реальной сложнейшей взаимосвязи факторов с множественными обратными положительными и отрицательными связями здесь фиксируется только агрегатная переменная M .

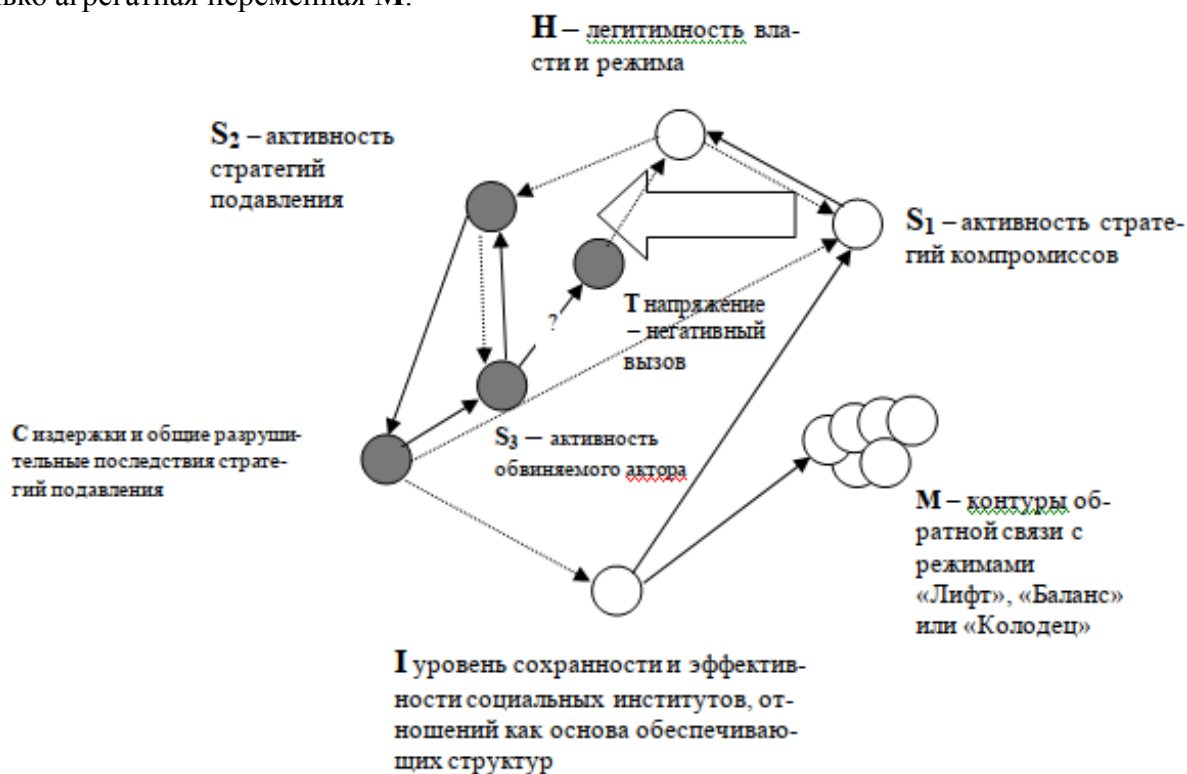

Рис. 4. Издержки C ведут к деградации институтов I , что при эскалации конфликта приводит к системному изменению взаимосвязей агрегатной переменной M : от режима «Баланс» к режиму «Колодец» (паттерн отчуждения).

В Российской империи 1917–1918 гг. и Югославии 1989–1991 гг. распад имел форму жестокой гражданской войны. При всех различных обстоятельствах к общему следствию (гражданской войне) должна вести общая причина. В качестве этой общей причины и предполагается динамическая модель, представленная на рис. 4.

Разумеется, эта «причина» слишком бедна, абстрактна и не может считаться достаточной. Поэтому последующий более детальный анализ каждого случая, условий выбора тех или иных стратегий направлен на выявление более глубоких общих причин катастрофического развития кризиса.

1917 год в России — эскалация вражды

Трудности интерпретации начинаются уже с того, что считать главной гомеостатической переменной **Н**. Поскольку основным содержанием данного периода была борьба за власть в столице — Петрограде и в стране, примем в качестве **Н** «легитимность и эффективность центральной власти». Вообще говоря, это разные переменные, но в период острой борьбы за власть в условиях военного времени, они особенно взаимозависимы: эффективная власть, одерживающая внешние победы и устанавливающая внутренний порядок, быстро обретает силовую легитимность³ (которая в тех условиях была важнейшей), при этом, высокая силовая легитимность власти (лояльность армии и вооруженных отрядов в городах, особенно в столице) является главным фактором ее эффективности в условиях революции и войны. Очевидно также, что весь 1917 год и эффективность и легитимность любой власти в Петрограде (царская администрация, Временное Правительство, Советы, Военно-революционный комитет, Учредительное собрание) находились на весьма низком уровне (иначе, не допускали бы такой легкой смены).

Согласно модели (см. рис. 3, 4), происходит принципиальный сдвиг от прежней структуры S_1 , обеспечивавшей легитимность и эффективность власти, к новой структуре S_2 , основанной уже на стратегиях подавления соперников. В российской реальности начала XX в., стратегии подавления со стороны царской власти сохранялись, но лишь частично были дополнены и ограничены учреждением Государственной Думы, согласно Октябрьскому манифесту 1905 г.

В ситуации зимы и начала весны 1917 г. в связи с поражениями на фронте, брожениями в армии, продовольственным кризисом в столице очередной обвал легитимности власти⁴ получил выражение в серии хлебных бунтов⁵. Дума никак не смогла смягчить, замирить протесты

³ Здесь используется новая типология легитимности относительно акторов, в глазах которых власть более или менее оправдана и законна: силовая (для армии, полиции, спецслужб, боевых отрядов), международная (для значимых внешних держав и коалиций), авторитетная (для церкви, высших судебных органов, ведущих медиа, моральных лидеров и т. п.), популярная (для больших масс населения) [Розов 2014].

⁴ Иностранные делегаты Петроградской конференции по союзным действиям и вооружениям (январь-февраль 1917 г.) уже явственно ощущали полную дискредитацию императорской четы и самодержавия. «В Москве, как и в Петрограде, делегаты услышали, что царская чета — угроза для страны. Генерал Вильсон написал в дневнике: «Они потеряли свой народ, свое дворянство, а теперь и свою армию — и я не вижу для них никакой надежды; однажды здесь произойдет что-то ужасное». Делегатам устроили овацию, когда увидели их в царской ложе Большого театра, но и это не подняло им настроения. И на следующий день в дневнике Вильсона появилась запись: «Император и императрица — на пути к свержению. Все — офицеры, купцы, женщины — открыто говорят, что надо избавляться от них» [Давидсон 2007].

⁵ Любопытно, что суть проблема состояла не столько в нехватке хлеба (как раз в Петрограде ситуация не была особенно острой), сколько в бюрократических конфликтах относительно управления продовольственным снабжением столицы. «С некоторых пор между петроградскими городскими властями и правительством шла распря по поводу контроля над продовольственным снабжением. Городские власти, поддерживаемые Союзом городов и Прогрессивным блоком Государственной Думы, настаивали на том, что снабжение продовольствием

сты, иными словами парламентаризм как обеспечивающая структура S_1 не восстановил легитимность и эффективность власти **Н**. Произошел переход к стратегиям подавления S_2 , но уже с обеих сторон.

В России 1917 года роль обеспечивающей структуры S_1 играли взаимодействия между Государственной Думой, Двором и Правительством (разрушено Февральской революцией), затем между Временным Правительством и Советами (разрушено июльским кризисом, расстрелами), затем между Временным Правительством, корниловцами и Советами (разрушено подавлением корниловского мятежа, после — Октябрьским переворотом), затем — созывом и работой Учредительного Собрания (разрушено его разгоном большевиками). Каждый раз усиливалась активность стратегий подавления S_2 .

Главные издержки **С** — полный коллапс общественного порядка и контроля над насилием в стране, волны грабежей, поджогов, потеря управляемости, появление множества вооруженных групп, движений, готовых к насилию.

Уже 25 февраля в демонстрантов начали стрелять, а в ответ полетели гранаты, петарды, камни. Царь потребовал телеграммой от генерала Хабалова решительного прекращения беспорядков. Войскам в столице было приказано стрелять в демонстрантов. На следующий день десятки были убиты. Но потом солдаты уже перестали подчиняться приказам, перешли на сторону протестующих рабочих, последовали еще более массовые выступления, захваты зданий, тюрем. Политическое руководство парламента поддержало революцию. Вместе с созданным Временным комитетом Думы (предтечей Временного Правительства) стали укрепляться и наращивать легитимность Советы. Очевидно, что агрессия вызывает ответную агрессию у тех, кто обладает достаточными для нее организационными и силовыми ресурсами. Так выстраивается петля положительной обратной связи $S_2 \rightarrow C \rightarrow S_3 \rightarrow S_2$ (рис.4)⁶.

Итак, здесь тоже присутствовали негативные внешние и внутренние вызовы, на которые государственная власть дала неадекватный ответ, ведущий к ее ослаблению и делегитимации, появлению новых центров силы и влияния.

Обычно власть дает такой ответ на вызов, который либо был успешен в преодолении прошлых сходных вызовов, либо повторяет успешные образцы референтной державы. Радикальная новизна обстоятельств делает этот ответ неадекватным.

Так, попытки подавления мятежа в Петербурге в феврале 1917 г. повторяли успешное подавление революции 1904–1905 гг., но в новых обстоятельствах (война и военные поражения 1915 г., сильная дискредитация царской власти⁷, наличие Думы как альтернативной леги-

граждан столицы должно быть в их руках, а министр внутренних дел Протопопов, хотя нужных средств к тому у него не было, хотел взять эту дополнительную ответственность на себя, что вызвало новые нападки на него в печати и в петроградской городской Думе и создало общую атмосферу продовольственного кризиса» [Катков 1997].

⁶ В явном виде цепную реакцию положительной связи факторов распада фиксирует историк С.Н. Нефедов: «События развивались неумолимо: война породила инфляцию, инфляция и породила продовольственный кризис, продовольственный кризис породил голодный бунт, и, хотя власти не желали применять оружие для его подавления, они были вынуждены отдать роковой приказ. Как теперь становится ясным, отдавать такой приказ надежным войскам — войскам, состоящим из крестьян, которые ненавидели власть, не желали сражаться за нее и требовали земли, — означало провоцировать почти неизбежный солдатский мятеж и революцию [...] Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; началась цепная реакция. Колонна солдат и рабочих двинулась по Петрограду от казармы к казарме, и полки один за другим с криками ликования и стрельбой в воздух присоединялись к восстанию. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем — 26 тысяч, вечером — 66 тысяч, на следующий день — 127 тысяч, 1 марта — 170 тысяч, т. е. весь гарнизон Петрограда» [Нефедов 2005].

⁷ «Впервые во все времена либералы и монархисты объединились в оппозицию к царскому двору. К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, «спасти монархию от монарха». Россия еще не знала такого едине-

тимной власти, скопление раздраженных солдатских масс в столице) эти попытки стали провальными.

До революции стратегии подавления S_2 осуществляет царская власть, но и против нее с осени 1916 г. в Думе уже замышляется заговор⁸, а после революции каждый актер с силовым ресурсом (в нашем случае — Временное Правительство, Советы, корниловцы) делает вклад и в S_2 и в S_3 . Знак вопроса в схеме исчезает, конфликты между актерами снижают легитимность власти H вообще, что дает дополнительный контур усиления взаимной агрессии $S_2 \rightarrow S_3 \rightarrow H \rightarrow S_2$.

В канонической схеме А.Стинчкомба (рис.2) рост издержек C должен снижать активность обеспечивающей структуры S_2 . Было ли такое в 1917 году? Да, сразу после февральских событий и созданное Временное Правительство и Советы не были настроены на конфронтацию. Было достигнуто принципиальное согласие о созыве Учредительного Собрания и даже о продолжении участия в войне («революционное оборончество»). Иными словами, частично был совершен возврат к S_1 , хотя глубинный антагонизм оставался⁹, в результате чего удержаться в этом политическом модусе не удалось.

Цепь известных кризисов — конфликтов вначале между Временным Правительством и Советами, затем между Временным Правительством и корниловцами, затем Октябрьский переворот, конфликт большевиков уже с Учредительным Собранием и роспуск последнего — это каждый раз обмен ударами, попытки подавления политического конкурента. Три относительно успешные попытки подавления (против большевиков в июле, против корниловцев в августе и против Временного правительства в октябре) подкрепили эту политическую стратегию, которую и реализовали большевики уже окончательно против Учредительного собрания, позже против своих союзников — левых эсеров. Далее в 1918 г. стратегии подавления стали уже полностью доминировать — в форме Гражданской войны.

Главные факторы эскалации взаимной агрессии в политических процессах 1917 г. известны: исключительно эффективная деятельность и пропаганда В.И. Ленина, направленная как раз на свержение «министров-капиталистов», получившая отклик благодаря доминирующим настроениям в рабочих и солдатских (вчерашних крестьянских) массах, множественные ошибки Временного правительства (от роспуска полиции и попустительства до жестоких расстрелов демонстраций), его упрямая направленность на продолжение войны в условиях разложения армии и сильных антивоенных настроений, которыми столь успешно воспользовались большевики.

ния, а двор — такой изоляции» [Пайпс 2005].

⁸ «Военные и придворные круги чувствовали надвигающиеся события, но представляли себе их как простой дворцовый переворот в пользу великого князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии. В этом были убеждены даже такие люди, как Милуков, лидер партии конституционных демократов. В этой иллюзии пребывала даже большая часть членов прогрессивного блока. Но совсем другое думали более крайние элементы с Керенским во главе. После монархии Россию они представляли себе только демократической республикой. Ни те, ни другие не могли даже себе представить, во что все выльется» [Глобачёв 2009].

⁹ «Вожди Совета не скрывали того факта, что Временное правительство существует лишь с их благоволения. На Всероссийском совещании рабочих и солдатских депутатов 29 марта Церетели, меньшевистский председатель Исполкома, заявил, что Временное правительство существует благодаря соглашению, заключенному Петроградским Советом с «буржуазными цензовыми элементами общества». Другой член Исполкома, трудовик В.Б. Станкевич, хвастался, что Совет может распустить Временное правительство в пятнадцать минут, дав соответствующие указания по телефону. Защитники системы «двоевластия» впоследствии говорили, что Совет делал все от него зависящее, чтобы поддерживать под руку шаткое правительство, и не только не думал о его свержении, а, наоборот, служил ему главным источником силы. Исторические свидетельства не дают подтверждения таким заявлениям. Они говорят о том, что, даже когда Исполком как будто шел на выручку правительству, помогая усмирить волнения, он в то же время непременно старался подорвать его авторитет и престиж» [Пайпс 2005].

Судя по всему, именно провалы переговоров и компромиссов, успехи стратегий подавления подкрепляют агрессивные стратегии сторон. Главная причина провалов компромиссных стратегий состоит в получении преимущества поддержки (силовой, популярной или международной) теми сторонами (непримиримыми антагонистами), для которых любые компромиссы воспринимаются и/или являются полным политическим проигрышем (Ленин и Троцкий по главе большевиков, этнократия в стремящихся к отделению республиках Югославии).

Общая причина такой поддержки — соответствие лозунгов, прокламируемых непримиримыми антагонистами целей экономическим и политическим установкам, стремлениям групп, значимых для достижения легитимности (силовой, популярной или международной). Так, ленинские лозунги прекращения войны и раздачи земли крестьянами получили отклик солдатских масс в 1917 г., а лозунги государственной самостоятельности, демократии и присоединения к ЕС получили отклик этнического большинства в республиках и со стороны влиятельных западноевропейских держав.

Самый темный вопрос в нашей модели — издержки С стратегий подавления и их угнетающее влияние на сохранность отношений и институтов I. Пойдем от следствий к причинам по цепочке $M \leftarrow I \leftarrow C \leftarrow S_2$ (рис.4). В России мегатенденция «Колодец», распад Империи, всей прежней системы отношений и институтов произошли из-за захвата власти большевиками¹⁰, с которым оставшиеся политические акторы, обладавшие силовым ресурсом (руководители Белого Движения и др.), не только не согласились, но и в скором времени вступили в военное противостояние.

Для стратегий подавления всегда нужны бойцы и руководители, материальные ресурсы (в натуральной или денежной форме) для их обеспечения, оружие, средства транспорта и связи. Поскольку в ситуации распада общественного порядка нарушен контроль над насилием и не защищена собственность (отсутствует или бездействует полиция), вместо прежних сложных и разнообразных отношений, институтов встают отношения принуждения, подчинения и насилия под видом практик «мобилизации» и «экспроприации».

Прежние достигнутые уровни богатства, власти, престижа (авторитета, репутации) почти повсеместно обнуляются, получают маркеры «старорежимного» и «буржуазного». Соответствующие инвестиции (в широком смысле) в прежние институты, в которых шла упорядоченная политическая, экономическая и статусная конкуренция, прекращаются. Только встраивание в иерархию новой власти, в соответствующие «революционные», «советские», «партийные» институты давало перспективу обретения указанных базовых благ, причем материальный и социальный комфорт дополнялся также духовным — причастностью к высоким идеалам («строительству нового мира»)¹¹.

Когда стороны обвиняют друг друга, борются между собой, применяя угрозы, захваты, насилие, множество функциональных процессов в обществе нарушаются или вовсе прерываются: сбор налогов, контроль общественного порядка, ограничение насилия, поддержание лояльности и целостности армии, торговые перевозки, администрирование в бюрократических структурах, защита границ, удержание провинций и т. д. Иными словами, падает пере-

¹⁰ После победы Красной Армии оставшиеся от Империи институты и отношения уже целенаправленно разрушались, трансформировались (в направлении национализации и гиперцентрализации) в течение 1920–30-х гг., но это уже другая история.

¹¹ Есть множество военных, политических, экономических, логистических причин поражения Белого Движения и прочих противников большевиков в Гражданской войне, но главной представляется отсутствие массовой поддержки. Большевики же получили такую поддержку не только благодаря лживым посулам и успешной пропаганде «коммунизма», временным союзам с вооруженными формированиями разного рода, но и за счет реальных перспектив вертикальной мобильности для «комитетского класса», амбициозных фигур из вчерашних крестьян, рабочих, разорившихся мещан.

менная **I** — уровень сохранности и эффективности социальных институтов. Все эти неприятности усиливают друг друга, каждая группа обвиняет в новых бедах своих противников, борьба обостряется, происходит сдвиг агрегатной переменной **M** к полюсу «Колодец».

Окончательный коллапс государственности (срыв в мегатенденцию «Колодец») произошел вследствие разгона Учредительного собрания. Именно это событие стало фатальным для судьбы страны (и демократии в ней), а не Октябрьский переворот. Не только тяготеющие к центру партии и движения были дискредитированы (кадеты, правые эсеры, меньшевики), но сам мирный способ решения вопроса о власти уже практически не рассматривался главными претендентами. Гражданская война и распад государственности стали неизбежными.

Югославия — немирный развод народов

Как говорилось выше, власть дает такой ответ на вызов, который либо был успешен в преодолении прошлых сходных вызовов, либо повторяет успешные образцы референтной державы, причем радикальная новизна обстоятельств делает этот ответ неадекватным. Каким же образцам следовала югославская власть в своем неадекватном ответе на негативный вызов снижения внешней и внутренней легитимности?

Судя по всему, проведение демократических выборов 1990 г. в Югославии повторяло образцы политической жизни референтных западноевропейских держав, но в условиях давнишней межэтнической напряженности допуск к выборам и победа этнических партий с сепаратистски настроенными лидерами в республиках привели к фатальному ослаблению, еще большей делегитимации центральных органов власти и самой идеи единой Югославии, югославской солидарности.

Партии, ориентированные на единство, проиграли: они либо ассоциировались с дискредитированным коммунизмом, либо с доминированием сербского Белграда. Жесткая направленность победившей этнократии в Словении и Хорватии на отделение не оставляла шансов множеству попыток, проектов сохранения целостности страны в форме федерации, конфедерации или промежуточного варианта.

После выборов стала неуклонно снижаться роль, сила центрального коллегиального органа власти. К середине 1991 г. он стал восприниматься республиканскими властями как сугубо сербский и враждебный. Отношения стали строиться не по оси центр — республики, а по оси: республика, претендующая на доминирование (Сербия с Черногорией) — другие республики. Это уже была игра с нулевой суммой.

Стратегии подавления S_2 вначале предпринимались республиканскими властями против ослабевшей центральной власти с ее требованиями (относительно налогов, открытости внутренних границ, порядка прохождения воинской службы и т. д.). Параллельно с переговорами создавались республиканские вооруженные силы, было мобилизовано и вооружено гражданское население стремящихся к отделению республик.

Югославская армия сначала не была готова к настоящей внутренней войне, поскольку создавалась для обороны от внешних противников и сама была полиэтничной (это показала «малая война» в Словении). Позже, по мере ухода военных по республикам, югославская армия превращалась в сербскую армию. Предпринимались силовые попытки со стороны Белграда вернуть Хорватию, отделить от нее Сербскую Краину (кровавопролитная сербо-хорватская война). Успешные и безуспешные этнические чистки с разных сторон также сюда относятся.

Роль внешних сил и значимость международной легитимности

Многие верно отмечают значительную роль внешних сил, особенно, Германии, Австрии, ЕС и позже — США в распаде Югославии [Гуськова 2001]. Пожалуй, здесь есть целый веер принципиальных отличий в двух наших случаях.

Распад Российской империи произошел в разгар ожесточенной войны в Европе, на стороне Белой Армии выступили силы Антанты. Югославия переживала распад на фоне долгих мирных десятилетий в европейском окружении, лидеры Европы крайне болезненно восприняли вооруженное насилие в этой стране, постоянно призывали к миру (американские бомбежки Сербии в связи с косовским кризисом — это уже другая, более поздняя история). Настроенные на сепаратизм республиканские лидеры в Югославии открыто апеллировали к авторитету и поддержке западных держав, прокламировали цель присоединения к Европейскому Союзу. Главным идеологическим лозунгом была идея «демократии», опять же импортированная из Запада. Большевики хоть и пользовались немецкими деньгами, но тщательно это скрывали. Идеи социализма, марксизма, революции были тоже импортированы из Запада, но российская революция воспринималась ее лидерами как флагманская, ведущая к последующей мировой революции, к глобальному переходу от капитализма к коммунизму.

Все упомянутые обстоятельства — разные, тем более важна попытка выявить общность роли внешних факторов в распаде государств. На поверхности лежит *интерес держав в ослаблении или распаде крупных соседей*. За этим интересом может стоять геополитическая опасность, состояние войны (Германская империя относительно Российской империи в 1917 г.) или интерес более легкой геоэкономической и геокультурной экспансии в отделившиеся провинции (ФРГ относительно Словении и Хорватии в 1990–1991 гг.).

Более глубоким фактором является *императив поиска международной легитимности конфликтующими силами*. Временное правительство и Советы (последние — до успеха ленинской пропаганды) объявили «революционное оборончество», то есть сохранение союзнических обязательств со странами Антанты и продолжение участия в войне. Тогда это был важнейший момент обретения международной легитимности новой российской властью. План провалился из-за слабости, разложения армии и тяжелых поражений летом 1917 г., которые привели к падению силовой, популярной легитимности Временного правительства, росту влияния Советов и корниловцев. В 1917 г. большевики в борьбе за власть, хотя и отдавали некую дань «легальности Советов», не особенно заботились о международной легитимности, справедливо полагая, что в краткосрочном плане гораздо важнее заручиться силовой и популярной поддержкой: это и привело их к победе в революции и последующей Гражданской войне. Добровольческая армия прибегала к помощи союзных держав, но безуспешно.

Словения и Хорватия, позже, Босния и Герцеговина, Македония, Косово, Черногория активно апеллировали к международному сообществу, особенно к ЕС, ООН, Германии, Австрии, Великобритании, Италии, США. Не столько благодаря силе оружия, сколько отступлением Сербии было достигнуто отделение. Жестокие этнические чистки проводились с разных сторон, однако, в западном общественном мнении главными виновниками стали считать сербских лидеров: С.Милошевича и Р.Караджича.

Высвечивается такой общий паттерн: *в остром насильственном конфликте (в том числе, в гражданской войне) выигрывают те акторы, которые делают ставку на достижение самой главной в сложившейся ситуации легитимности: силовой, международной, авторитетной или популярной*. Главной же является та легитимность, которая при имеющемся раскладе сил, ресурсов, влияния помогает не только получить и удержать власть, но также обеспечить достижение остальных значимых в данный период типов легитимности.

В России 1917–1918 гг. главной оказалась силовая легитимность: солдаты и матросы все больше поддерживали большевиков, всевозможные анархисты, «зеленые», мамонтовцы и проч. чаще вступали в союзы именно с Красной Армией. Международная легитимность Белой Армии, хоть и позволила получить некоторую материальную и военную поддержку от стран Антанты, но безрезультатно.

В Югославии в 1990–1991 гг. и позже главной оказалась как раз международная легитимность — признание со стороны важнейших международных организаций (ООН и ЕС), сильнейших (США) и соседних держав (Германия, Австрия, Италия). Уже в позднейшем косовском конфликте Сербия пыталась опереться на помощь России, однако поддержка одной страны, даже ядерной державы, не может переломить ситуацию. В результате, новые правители Сербии сами сдали С. Милошевича и Р. Караджича в Гаагский суд.

Наконец, самый глубокий слой внешнего фактора распада государства и мотиваций претендентов на власть оказывается вполне веберовским: *режим и правители теряют легитимность при снижении престижа могущества на внешней арене, тогда как силы, претендующие на власть, сами стремятся достичь тем или иным образом такого престижа.*

Действительно, царская власть в России, как известно, стала особенно непопулярной после серии военных поражений 1915 г. Провал военной кампании летом 1917 г. делегитимировал Временное правительство. Победа Красной Армии над всеми противниками, включая интервенцию сил Антанты, надолго укрепила власть большевиков. Сами же они в перспективе планировали стать во главе всемирной пролетарской революции, то есть получить престиж могущества уже в глобальном масштабе.

Югославский кризис назревал еще с начала 1970-х гг., но по-настоящему начался с распада системы социализма (Варшавского пакта и СЭВ), когда Югославия утратила выгодный статус медиатора, что обеспечивало особое внимание обеих сторон Холодной войны. Словенцы и хорваты задалась целью «возвращения в Европу», что обещало им как суверенным государствам, будущим членам ЕС, гораздо больший престиж, чем был у этнических провинций ослабевшей и уже мало кому интересной Югославии. Сербия опять же билась за сохранение Югославии, поскольку быть во главе большой европейской страны — это больший престиж могущества, чем остаться неудачником, потерявшим провинции с гораздо более туманными надеждами войти в тот же ЕС.

Заключение: теоретические гипотезы как итог обобщения

- К существенному ослаблению, делегитимации власти и режима, к появлению новых центров силы и влияния приводят не столько сами негативные внешние и внутренние вызовы, сколько неадекватные ответы, которые дает государственная власть. Обычно власть принимает такой ответ на вызов, который либо был успешен в преодолении прошлых сходных вызовов, либо повторяет успешные образцы референтной державы. Радикальная новизна обстоятельств делает этот ответ неадекватным, в результате чего ущерб негативного вызова только увеличивается.

- Провалы переговоров и компромиссов, успехи подавления подкрепляют агрессивные стратегии сторон. Главная причина провалов компромиссных стратегий состоит в получении преимущества поддержки (силовой, популярной или международной) теми сторонами (непримиримыми антагонистами), для которых любые компромиссы воспринимаются и/или являются полным политическим проигрышем. Общая причина такой поддержки — соответствие лозунгов, прокламируемых непримиримыми антагонистами целей экономическим и политическим установкам, стремлениям групп, значимых для силовой, популярной или международной легитимности стороны конфликта.

- Распад государственности происходит при победе стороны, отвергающей прежнее государственное устройство. Естественным образом, к такому отвержению склонны стороны, которые автоматически теряют шансы на получение власти, легитимности (и тем более, на свободу) при восстановлении государственности.

- Побеждает та сторона в гражданском конфликте, которая сделала ставку на главный тип легитимности в сложившихся условиях и обладает достаточными ресурсами для ее достижения.

- К государственному распаду ведет и направленность к международной легитимности, если наиболее влиятельные соседние и мировые державы заинтересованы в сепаратизме провинций (случай распада Югославии), и направленность к силовой и популярной легитимности, если наиболее влиятельные соседние и мировые державы не имеют достаточно решимости и ресурсов для военной реставрации прежнего режима (случай падения Российской империи).

Глобачёв К.И. 2009. *Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения.* — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Гуськова Е.Ю. 2001. *История югославского кризиса.* — М.: Русский национальный фонд.

Давидсон А.Б. 2007. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников. — *Новая и новейшая история.* — № 1. — С. 181–197.

Дюркгейм Э. 1995. Метод социологии [1895]. — Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод и назначение.* — М.

Катков Г. 1997. *Февральская революция.* — М.: Русский путь.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: очерки социологии большой длительности.* — М.: УРСС.

Колоницкий Б. 2010. Красные против красных. — *Нева.* — № 11. — С. 144–164.

Мельгунов С.П. 1961. *Мартовские дни.* — Париж. — Доступно: http://www.e-reading.club/bookreader.php/69871/Mel'gunov_-_Martovskie_dni_1917_goda.html. — Проверено: 15.07.2016.

Нефедов С.Н. 2005. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция. — *Уральский исторический вестник.* — № 10. — С. 112–123.

Пайпс Р. 2005. *Русская революция.* — М.: «Захаров».

Розов Н.С. 2009. *Историческая макросоциология: методология и методы.* — Новосибирск: НГУ.

Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке.* — М.: РОССПЭН.

Розов Н.С. 2014. Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти. — *Полис. Политические исследования.* — № 5. — С. 90–107.